

ж) Комиссии следует развивать связи со специализированными учреждениями ООН, занимающимися нормотворческой деятельностью в своей области.

* * *

По своим результатам 48-я сессия Комиссии международного права займет особое место в ее истории. Подготовленные до этого проекты были направлены в основном на кодификацию и прогрессивное развитие норм, относящихся к основному содержанию международного права. Мало уделялось внимания нормам, призванным обеспечить реализацию этого права. Достаточно сказать, что такой важнейший институт, как международно-правовая ответственность, до сих пор находится в зачаточном состоянии. Представленный проект статей явится важным шагом в изменении положения. Можно утверждать, что после принятия его государствами он ляжет в основу новой отрасли международного права — права международной ответственности.

Сказанное имеет отношение и к проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который устанавливает уголовную ответственность индивида за наиболее тяжкие преступления по международному праву. Без этого юридической механизм обеспечения норм международного права не может считаться завершенным.

Статья получена редакцией в феврале 1997 г.

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР О ВАЖНОМ МАЛОМ

*Научная конференция в Институте славяноведения
и балканистики*

Могут ли китайцы быть меньшинством?

Американцы, англичане, французы, наконец, русские? Могут, если живут за пределами территории своего государства. Но есть огромное количество народностей, которые живут компактно только в пределах какого-то государства, говорят на своем языке, имеют свою культуру и являются гражданами этого государства.

Итак, определение

Рассказ о научной конференции о национальных меньшинствах, которая проводилась в ноябре 1996 года в Институте славяноведения и балканистики РАН, хочется начать с доклада доктора юридических наук (кстати, единственного юриста из докладчиков) А.Х. Абашидзе об определении понятия «меньшинство» и о толковании права на самоопределение в контексте прав меньшинств. Сразу же подчеркнем, что эта конференция была проведена в рамках проекта, осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Международные договоры, заключенные до создания Лиги Наций, говорил он, не содержали дефиниции «меньшинство». Позже начали предприниматься попытки выработать это понятие. В частности, в заключении Постоянной палаты международного правосудия от 31 июля 1930 г. понятие «меньшинство» истолковывалось так: критерием «...является наличие коллектива лиц, проживающих в одной стране или местности, имеющих одну расу, религию, язык и одни традиции и объединенных... чувством солидарности с тем, чтобы сохранить свои традиции, поддерживать свою религию, обеспечить обучение и образование детей в соответствии с духом и традициями их расы и оказывать друг другу помощь».

Следующий этап в развитии характеристики меньшинства приходится на начальный период деятельности институтов ООН. На первой сессии в 1947 году Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств отметила, что «защита меньшинств представляет собой защиту недоминирующих групп, которые, в целом стремясь к равному с большинством обращению, в то же время нуждаются в особом обращении с тем, чтобы сохранить их особые характерные черты, отличающие их от большинства населения. Отличительными чертами, подлежащими такой защите, являются раса, религия и язык».

В январе 1950 года та же Подкомиссия, в рамках подготовки документов для Всеобщей декларации прав человека, рекомендовала обратить внимание на следующие аспекты: 1) термин «меньшинство» распространяется только на те недоминирующие группы населения, которые имеют устойчивые этнические, религиозные или языковые традиции или особенности, явно отличающиеся от особенностей остальной части населения, и которые желают их сохранить; 2) число лиц, образующих такие меньшинства, должно являться достаточным для того, чтобы такие особенности могли появиться; 3) члены таких меньшинств должны проявлять лояльность к тем государствам, гражданами которых они являются.

В дальнейшем наработки по определению понятия «меньшинство» и критериев, касающихся защиты прав меньшинств, проводились рабочей группой открытого состава, созданной Комиссией по правам человека на ее 42-й сессии, которая на основе обобщения поступивших предложений подготовила сводное исследование для Комиссии по правам человека. В 1978 году Генеральный секретарь ООН обратился к правительствам стран мира с просьбой представить свои замечания по подготовленным документам, касающимся прав меньшинств.

Среди поступивших тогда дополнений привлекает внимание акцентирование рядом государств такого критерия, как необходимость учитывать не только число лиц, принадлежащих к той или иной группе меньшинства населения, но и соотношение между их числом и размерами территории, на которой эта группа проживает. Другое уточнение в толковании термина «меньшинство» было связано с субъективным фактором, то есть выраженным у этой группы желанием сохранять свои собственные традиции и характеристики. При любом определении меньшинства следует учитывать ту степень, в которой какое-либо меньшинство **чувствует себя отдельной частью общества** или же рассматривается и считается таковой со стороны других.

Рабочая группа, созданная Комиссией по правам человека, с 1980 по 1984 год изучала все представленные материалы, имея задачу выработать проект Декларации о меньшинствах. Однако в 1984 году, после утверждения преамбулы и дискуссии по первым статьям проекта, обсуждение вопроса об определении понятия «меньшинство» зашло в тупик. По мнению одних членов группы, дать определение этому понятию нельзя — это задача академического характера, поэтому ООН нуждается скорее в разработке норм защиты прав меньшинств на основе международных документов о защите прав человека, которые составляют «универсальную гарантию по отношению к любому члену любого общества». Часть разработчиков декларации продолжала высказываться в пользу желательности зафиксировать дефиницию «меньшинство» в официальных документах ООН.

В ходе многочисленных дискуссий, проводившихся под эгидой различных институтов ООН и ОБСЕ в последнее десятилетие, выявился круг проблем, составляющих наибольшую сложность при определении искомого понятия, тем более что нет приемлемого согласия по этим вопросам и в научных кругах. Например: конкретная группа составляет меньшинство по отношению к населению всего государства или же отдельных его областей? Во многих странах меньшинство, рассматриваемое к населению страны в це-

лом, может составлять большинство в рамках отдельных районов на территории государства. Встает вопрос и о необходимости расширения некоторых других характеристик меньшинства помимо этнических, религиозных и языковых особенностей: следует учитывать и культурные связи (особенно на примере цыган). Необходимо выделить сущностные характеристики национальных меньшинств как особых групп, отличных от этнических, религиозных или языковых меньшинств. В современной доктрине международного права исследователи склоняются к пониманию под национальными меньшинствами группы населения, «принадлежащие к какой-либо нации, обладающей собственным государством, но живущие в другом, как правило сопредельном, государстве».

Сложность определения понятия «меньшинство», в частности, состоит в многообразии ситуаций, связанных с существованием самых различных меньшинств: трудно объединить в одном универсальном определении признаки всех меньшинств мира, нуждающихся в особой защите. Однако, по нашему мнению, все же существует совокупность элементов, которая охватывает общие разновидности меньшинств и используется наиболее широко во всех имеющихся определениях, а именно: меньшинство — это национальная, этническая, религиозная или языковая группа, отличающаяся от других групп на территории данного суверенного государства.

Поскольку понятие «меньшинство» в рамках ООН до сих пор официально не определено, хотя в ее международных документах зафиксированы права меньшинств, мы отдаем предпочтение подходу ОБСЕ, согласно которому однозначно употребляется понятие «национальное меньшинство», включающее в себя понятия «этнические» и «языковые» меньшинства. Подчеркнем наиболее существенные аспекты этого подхода ОБСЕ: под понятием «национальные меньшинства» понимаются только граждане данного государства, а также подразумевается существование другого государства, которое является исторической родиной этих меньшинств. Даже учрежденный в 1992 году в рамках ОБСЕ пост называется «Верховный комиссар по делам национальных меньшинств».

В заключение выделим один из основных и актуальных вопросов, который рассматривается на данной конференции: в чем суть проблемы меньшинств? Отвечая на него кратко, хотим прежде всего подчеркнуть, что факт существования на территории государств меньшинств еще не означает, что в этой стране существует проблема меньшинств. Проблема меньшинств как таковая возникает лишь тогда, когда имеются основания утверждать, что эти

меньшинства находятся в неблагоприятных, фактически неравноправных условиях, в которых невозможно сохранять и развивать их отличительные черты, а также пользоваться всеми конституционно закрепленными правами человека и гражданина.

Таким образом, при возникновении проблем меньшинств мы имеем дело с дискриминацией в отношении как лиц, принадлежащих к меньшинствам, так и целой группы, отождествляющей себя в качестве отдельной общности людей в данном обществе. Поскольку постановка вопроса о проблемах меньшинств непосредственно связана с дискриминацией, задача определения общепринятого термина «меньшинство» теряет свою актуальность. Однако при любой попытке охарактеризовать положение меньшинств в государстве, на наш взгляд, определяющим элементом должен стать критерий дискриминации. Поэтому в понятии «меньшинство» внимание следует обращать не на субъективные характерные черты меньшинств, а на их юридическое и фактическое положение в сравнении с остальным населением страны.

Значение проблемы

И вот теперь хотелось бы дать слово историкам. В своем вступительном слове заместитель директора института профессор Ю.С. Новопашин разъяснил смысл и значение проходящей конференции. Мы начинаем, сказал он, работу научной конференции «Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств Центральной и Юго-Восточной Европы: Версаль 1919 г. — Париж 1946 г. — Хельсинки 1975 г. — Страсбург 1995 г.». Из множества актуальных проблем, связанных с крушением в этой части континента семь лет назад так называемого реального социализма, одной из бесспорно наиболее важных выступает та, которая называлась политикой в национальном вопросе. Последний считался подчиненным, как вы знаете, по отношению к вопросу обеспечения классовой, интернационалистской солидарности на национально-государственном и международном уровне. До тех пор пока эту, во многом искусственную, межнациональную и межгосударственную солидарность удавалось поддерживать с помощью многообразных силовых и пропагандистских средств, видимость подчиненности национального вопроса решению неких проблем более высокого порядка сохранялась. Но теперь, когда этот искусственный порядок советской империи исчез, бурное утверждение коллективных прав, чаще всего выражаемое как стремление к национальному самоопределению, стало серьезной угрозой европейской и глобальной стабильности.

В Восточно-Европейском регионе катастрофический потенциал, заложенный в домогательствах коллективных прав в посткоммунистическую эру, наиболее драматично проявил себя в Югославии. Населяющие ее народы в том виде, как они конституировались с 1918 по 1991 год, были разделены национальностью, религией и историей. Репрессии коммунистического правительства и личный авторитет Иосипа Броз Тито удерживали эту причудливую амальгаму в течение 35 лет после второй мировой войны. Но со смертью Тито в 1980 году начался процесс дезинтеграции. Проблемы задолженности и экономической застой ускорили этот процесс. Утрата СКЮ в конце 80 — начале 90-х годов монополии на власть довела центробежную энергию до критического уровня.

Военные конфликты в Словении, Хорватии и в Боснии и Герцеговине, как и войны в бывших советских республиках, продемонстрировали некоторые весьма отрезвляющие реальности. Первая из них заключается в том, что переход к демократии вместо того, чтобы смягчить противоречивые притязания на коллективные права, может усилить их. У руководителей или будущих руководителей новых республик и провинций имеется сильное искушение провозгласить независимость или добиваться ее. Движение за независимость отвлекает внимание народа от острых социально-экономических проблем, наличие которых ведет к перманентному уменьшению поддержки властей предрержащих со стороны населения. Если это движение добивается успеха, то независимость немедленно повышает статус национального лидера и степень его народной поддержки — из провинциального политика он, таким образом, становится главой государства. То есть пока бывшие социалистические страны Центральной и Юго-Восточной Европы стараются придерживаться демократических правил политической и государственной жизнедеятельности, движения за автономию и независимость тем или иным способом будут проявлять себя. Причина такого, казалось бы, противоречивого положения заключается как в подавлении десятилетиями всех домогательств коллективных прав в бывших социалистических странах, так и в неопределенности или двусмысленности международного и политико-правового статуса отдельных наций и национальностей, особенно национальных меньшинств, Центральной и Юго-Восточной Европы, которые были характерны для Версальской системы государственной организации Европейского континента, для аналогичной системы после второй мировой войны, подтвержденной хельсинкским Заключительным актом 1975 года.

Вторая из отрезвляющих реальностей минувшего посткоммунистического семилетия состоит в том, что настойчивые домогательства коллективных прав не могут быть разрешены простым

подтверждением права на политическое самоопределение посредством референдума в данной географической области. Чистого разделения населения нет. Имеется слишком много областей с двумя, тремя и более претендентами. Один зарубежный историк, например, нанес 11 различных оттенков на карту Закавказья, иллюстрирующих претендентов или сочетание претендентов на территорию сравнительно небольшой площади (*Cullen R. Numan Rights Quandary/Foreign Affairs*, winter 1992/93, vol. 72, No 5, p. 81—82). То же относится и к Восточно-Европейскому региону, особенно балканской его части, где при отсутствии уравнивающих факторов в истории у идеологов и политиков практически любой национальной группы найдется более чем достаточно воспоминаний о страданиях и несправедливости, чтобы возбудить у соплеменников ненависть к своим соседям.

Стоит здесь заметить, что наличие демократической политической системы с одним и более национальных меньшинств не ведет неизбежно к борьбе — то есть это не общесоциологическая закономерность, а печальная реальность Восточно-Европейского региона и всего постсоветского пространства, как и любого другого, где может проявиться или проявилась совокупность похожих исторических, международных и иных обстоятельств. Однако в западной части Европейского континента дело во многих случаях обстоит по-другому. Например, жители Швейцарии, говорящие на итальянском языке, не требуют объединения с Италией. Этнические шведы, живущие на принадлежащих Финляндии Аландских островах, также не организуют этнополитических движений за объединение со Швецией. Хотя и нет простой формулы для гармонии в полиэтническом государстве, важность ряда факторов очевидна. Национальные меньшинства будут менее беспокойными, если сознательно согласятся со своим статусом, учитывающим, что им нужна некоторая степень политической автономии. Так, на упомянутых Аландских островах шведское население имеет определенный контроль за правом поселения и голосования. Обеспечение права на родной язык тоже может способствовать удовлетворению меньшинств, хотя это право необязательно должно быть неограниченным. Скажем, в Швейцарии обучение в муниципальных школах во французских катонах идет на французском языке, но если франкоязычный швейцарец переезжает в кантон, где говорят на немецком языке, он не может требовать для своих детей муниципальной школы с преподаванием на французском языке. Многое зависит от атмосферы взаимного уважения и согласия. Языковые группы в Швейцарии сосуществуют, в частности, потому, что они по традиции готовы изучать языки друг друга.

Помимо политики правительства, охраняющей автономию меньшинств, важное влияние на националистические чувства оказывает состояние национальной экономики. Люди, имеющие надежный легальный канал добывания средств к жизни и повышения своего благосостояния, не склонны прислушиваться к национальным экстремистам. Но те, уровень жизни которых понижается, наоборот, выражают все большую готовность идти за политиками, доказывающими, что дело в другой национальности, обманывающей их соплеменников.

Разумеется, перед странами Восточно-Европейского региона стоят в этом смысле огромные, трудноразрешимые задачи, но указать общее направление тем не менее возможно. Оно заключается в том, чтобы во внутрисударственном аспекте и в международном разработать политику, которая помогла бы увести тревожные районы Центральной и Юго-Восточной Европы от югославских условий к швейцарским условиям. Чтобы продвигаться в этом направлении, требуется труд не одной администрации, а целых поколений. И прежде всего должна быть разработана политика в национальном вопросе с прицелом на ближнюю и более отдаленную перспективу. Исходной в этой политике выступает позиция по коллективным и индивидуальным правам человека.

В теории национальных отношений сложились две точки зрения. Одни ученые, опираясь на последние достижения европейской мысли в данной области, подчеркивают значение политико-государственных факторов в формировании национальных общностей. Другие утверждают, что главную роль здесь играют единство первичных кровно-родственных связей (т.е. этнических), освоение единой территории, развитие экономических отношений в той или иной национальной среде. С этой точки зрения политика государства призвана выражать объективно заданные интересы национально-этнических сообществ.

Таким образом, если государство «творит нацию» (первая точка зрения), то оно может достаточно произвольно решать вопросы административно-территориального деления, использования ресурсов, определения гражданских прав и прав наций. Если оно выражает интересы национально-этнических общностей (вторая точка зрения), то тогда следует вывод о признании принципа «одна нация — одно государство».

Обе позиции для России, например, в которой проживают люди многих национальностей, неприемлемы. По-видимому, в многонациональном государстве субъектом права должны быть не только граждане (концепция доминирования индивидуальных прав), но и национально-этнические образования, союзы, ассоциации, строя-

щиеся как по административно-территориальному принципу, так и на основе культурной автономии (концепция приоритетности коллективных прав).

Коллективные права, кстати сказать, охватывают широкий спектр понятий от простой свободы ассоциаций до различных специальных мер и средств защиты. Самое высшее коллективное право — это, разумеется, право создать независимое государство. Если не доходить обязательно до этого, то национальные меньшинства могут настаивать на праве иметь свои школы или на провозглашении их языка официальным языком данного района. Они могут добиваться ограничения въезда лиц других национальностей на их территорию. Они могут требовать специальных политических прав. Крымские татары, например, сейчас составляют менее 10% населения Крыма. Они, однако, считают себя коренной национальностью на этом полуострове, лишенной своего законного места русским завоеванием в XVIII столетии и сталинской депортацией во время второй мировой войны. Их требования, помимо школ, специального права снова поселиться в Крыму, включают право вето на законодательство в парламенте Крыма, где большинство составляют русскоязычные представители теперешней независимой Украины.

В скобках, так сказать, замечу, что те из наших зарубежных коллег, кто занимается историей сталинских этнических чисток, не забывают упоминать, что «во время войны крымские татары официально просили у оккупирующей полуостров Румынии разрешения истребить всех русских, оставшихся в Крыму. Когда в этой просьбе было отказано, татарский совет сам организовал бойню, во время которой были убиты от 70 до 120 тыс. русских. Вследствие этого Советы в конце войны выслали всех татар из Крыма (*Bell-Fialkoff A. A Brief History of Ethhic Cleaning. Foreign Affairs, 1993, vol. 72, No 3, p. 115*).

Не отвергая, следовательно, принципа коллективных прав в его разумном понимании, есть, видимо, сегодня необходимость как по философским, так и прагматическим причинам выразить обеспокоенность бурным домогательством этих самых прав. Что касается философской стороны дела, то я полностью согласен с директором Института социологии РАН профессором В.А. Ядовым, который подчеркивает: «Путь усиления русской этничности, следования национальной идее приведет к гибели. Россия должна развиваться как геополитическое пространство». Иными словами, я разделяю идею, что гражданство и политические права не могут базироваться на этнической или религиозной идентичности.

Говоря же о прагматических причинах, думаю, бесспорно, что тенденция, при которой домогательство коллективных прав со-

проводится, как правило, насильственным конфликтом, уже достаточно проявила себя. Разумеется, остается проблема защиты отчаявшегося национального меньшинства, в том числе и за счет поддержки его требований на определенное количество коллективных прав. Но в то же время нельзя тут перейти известную грань, чтобы не подогреть националистические страсти, а содействовать их охлаждению и выиграть время для развития экономики и гражданских традиций, которые характерны для стран, где различные этнические группы умудряются сосуществовать. Было бы очевидной утопией рассуждать сейчас об урегулировании в швейцарском стиле для таких «очагов тревоги» в межнациональных отношениях, как восточноевропейские и, прежде всего, балканские (хотя для продумывания программы на перспективу швейцарский опыт, разумеется, будет полезен, о чем уже говорилось выше). Во всяком случае, нелишне подчеркнуть, что все успешные полиэтнические модели, которые существуют, начинаются со строгого уважения индивидуальных прав человека.

Я отнюдь не стремлюсь к характеристике всего круга проблем, намеченного к рассмотрению на настоящей конференции. Да это и невозможно сделать, пока она не завершится. Однако факт, что мы собрались на один из первых научных форумов на данную тему, непростою в исследовательском плане и довольно деликатную — в политическом. В социалистическую бытность нашей страны подобная тематика отнюдь не поощрялась; если и готовились какие-то материалы, то не иначе как с грифом «для служебного пользования» или «секретно». Теперь есть возможность заняться проблемой национальных меньшинств без цензурных ограничений и с привлечением новых документальных, в том числе архивных, материалов.

Думаю, что в процессе конференции надо стремиться к реализации двух одинаково важных задач: во-первых, по выявлению и систематизации доступного источниковедческого и историографического материала на тему национальных меньшинств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; во-вторых, по научному анализу и обобщению того круга проблем, который обозначен в разработанной заранее программе.

Было и второе вступительное слово на конференции — директора Института славяноведения и балканистики РАН профессора В.К. Волкова. Он заявил, что проблема национальных меньшинств — очень острая. Она в мире была и есть, а сейчас охватила и страны СНГ. Достаточно привести пример Казахстана. Первый вопрос, который возник при рассмотрении ситуации в независимом Казахстане, — это проблема статуса национальных меньшинств, о языке, то есть о правах этой категории населения. А поскольку этих

«меньшинств» оказалось так много, то их называют по-своему — «нетитульные нации», чтобы четко отличить, например, русских от казахов.

Балканский регион, пожалуй, первым испытал остроту национальных проблем, начиная с балканских войн. Тогда и родился термин «балканизация». Теперь это наблюдается в Центральной и Юго-Восточной Европе. В Западной Европе — это проблема басков, Уэльс в Великобритании, национальные беспорядки в Бельгии. Регионализм — отличительная черта времени.

Этими проблемами занимались и важные державы в Лиге Наций, в Хельсинки да и в настоящее время. Рассмотреть, как все это происходило и происходит в Европе, — цель нашей конференции.

Период после первой мировой войны

Кандидат исторических наук А.И. Миллер показал, что проблема национальных меньшинств тесно связана с процессом распространения национализма и, позднее, идеи национального государства. Бросается в глаза большой разрыв во времени между первыми этапами формирования националистических идеологий — от 30-х годов XIX в. до момента преодоления некоторых барьеров, когда исключался принцип множественной лояльности, столь характерный для мира империй и столь неприемлемый для мира национализма.

Заемствованный характер националистических идеологий в этой части Европы нашел продолжение и в имитационном характере «национальных» государств, созданных на развалинах империй, которые вернее было бы называть национализирующимися государствами. Это верно для Центральной Европы после первой мировой войны и теперь — для пространства бывшего Советского Союза. Эти государства во многом были уменьшенными копиями многонациональных империй. Конфликт между национализирующей направленностью якобы национального государства и этнокультурным многообразием — заметно более острый, чем в империях. Это связано с усилением ассимиляционного давления и исключением принципа множественной лояльности, столь характерного для мира империй и столь неприемлемого для мира национализма.

Какие бы работы, затрагивающие проблему специфики Центральной Европы как исторического региона в XIX веке мы ни взяли, все они подчеркивают этническую калейдоскопичность как конституирующую особенность.

XX век можно описать как век последовательного уничтожения этого многообразия. Он характеризуется этническими чистками и геноцидом. В этот период происходит крах политики как условия преодоления конвенциональных барьеров. То есть самые драматические вещи происходили тогда, когда правовое регулирование в принципе не работало; примеры тому — события в Югославии и бывшем СССР. То есть прогресс правового регулирования происходит по мере упрощения самой проблемы, снятия ее масштабов в процессе нерегулируемых в правовом отношении действий.

Сегодня да собственно и с 50-х годов общества Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы уже совершенно иные, чем даже два века назад, тем более в прошлом веке.

В XIX веке, раскрыл эту идею в своем выступлении доктор исторических наук из МГУ Г.Ф. Матвеев, в международных отношениях не учитывался принцип самоопределения наций, разделявший в это время лишь либерально-демократическими, социалистическими и пацифистскими организациями и движениями.

Начало его восприятия в качестве одной из норм международного права относится ко времени первой мировой войны и связано с судьбой польского вопроса. Непосредственный толчок процессу был дан манифестом австро-венгерского и германского генерал-губернаторов от 5 ноября 1916 г., провозгласившим создание польского королевства на территории Царства Польского. Ответная реакция России означала, что при любом окончании войны польский вопрос так или иначе будет решаться. Февральская революция в России окончательно интернационализировала вопрос о судьбе поляков.

Потребности затяжной войны благоприятствовали использованию вопроса о судьбах угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы в качестве мощного пропагандистского оружия обеими воюющими сторонами. Более предпочтительными оказались шансы Антанты и США.

С конца 1916 года президент США В. Вильсон и британский премьер Ллойд Джордж активно работали в этом направлении, не выходя, впрочем, в большинстве случаев за рамки программы переустройства Австро-Венгрии на принципах автономии.

Следующий этап начинается на рубеже 1917—1918 годов. В декабре 1917 года была оглашена советская программа достижения всеобщего мира, а в январе 1918-го по вопросу о праве наций на самоопределение выступили Ллойд Джордж и Вильсон («14 пунктов»). Во второй половине 1918 года Антанта и США признали Чехословацкий национальный совет в качестве временного правительства и своего военного союзника, отказывая тем самым Авст-

ро-Венгрии в праве на существование в прежних границах. Среди политических лидеров угнетенных народов к этому времени широко распространились иллюзии относительно всеобщего характера принципа самоопределения наций в вильсоновской редакции.

Однако США не сумели реализовать своей программы и под давлением союзников, связанных взаимными договорами, согласились на ограничение масштабов применения этого принципа только чехами и поляками, а также прибалтийскими народами России.

Всем другим угнетенным народам региона было отказано в этом праве. Вместо него было решено создать институт международной охраны прав национальных, расовых, религиозных и языковых меньшинств. Гарантом была определена Лига Наций, созданная по решению Парижской мирной конференции. С вновь созданными и увеличившими свою территорию государствами (Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и Греция) были заключены неравноправные для них договоры об охране меньшинств. Положения этих договоров были также предложены к исполнению Албании, Эстонии и Финляндии.

Таким образом, принцип самоопределения наций так и не стал всеобщим, хотя и был на словах признан всеми державами. Он не был включен в каком-либо виде и в Устав Лиги Наций. Но не получил всеобщего характера и принцип охраны прав национальных меньшинств.

Такое положение в области международно-правовых установлений в сфере межнациональных отношений явилось одной из причин сохранения достаточно сильных тенденций к разрушению сложившейся системы, а тем самым и ко второй мировой войне.

Интересным было сообщение кандидата исторических наук Ю.М. Трибизова. Интересным и любопытным хотя бы потому, что о проблемах украинских нацменьшинств в Польше докладывал человек из Сибири, доцент кафедры новой и новейшей истории Кемеровского государственного университета.

Украинское нацменьшинство, говорил он, в межвоенной Речи Посполитой — наибольшее по численности по сравнению с другими (белорусским, литовским, еврейским и немецким); в основном оно компактно проживало на значительных территориях юго-востока страны, особенно в сельской местности, и составляло явное большинство населения. Польско-украинские отношения еще со средневековья гораздо чаще были отношениями вражды, чем сотрудничества. Эти нации разделяли не столько даже язык, религия и культура, сколько взгляд польских имущих классов на украинцев как на народ второго сорта, удел которого — подчинение и работа на поляков в качестве крестьян и слуг, а в ответ — взгляд украинцев на польскую нацию как на панов-угнетателей. В момент круше-

ния Австро-Венгрии, с конца XVIII века владевшей Галицией, и расколотости гражданской войной России, с тех пор владевшей Волынью, оба эти региона проживания массы украинцев оказались объектом исторически оправдываемых устремлений поляков, решивших восстановить свое уничтоженное в ходе раздела 1772—1795 годов государство. Страны Антанты — победительницы в первой мировой войне, играя решающую роль в послевоенном территориальном размежевании Восточной Европы, несмотря на трения между ними, в целом (Франция особенно) явно стали на польскую сторону, особенно когда белое движение в России потерпело военную неудачу. Большевицкая Россия, до предела возможного стремясь установить свой контроль над указанными землями, тоже ни в коей мере не желала создания здесь независимого украинского государства, о чем мечтала и чего с оружием в руках добивалась немалая часть здешних украинцев. Вот какое наследство получила Польша, закрепив за собой эти земли силой оружия, чему помог Рижский мир с большевицкой Россией. Понятно, что затем польско-украинские отношения не могли быть безоблачными, тем более что соседями Польши были СССР и Чехословакия с крупными украинскими нацменьшинствами и своими, весь межвоенный период достаточно острыми, противоречиями с Польшей, а имевшая не менее острые противоречия с ней Германия стремилась и умела найти с частью польских украинцев общий — антипольский — язык.

Хронологически рассматриваемый период польско-украинских отношений в силу как внутренних, так и международных факторов логично разделить на этапы:

1. Обретение возрожденной Польшей устойчивых госграниц (октябрь 1918 г. — март 1921 г.).
2. Досанационный период (март 1921 г. — май 1926 г.).
3. Режим санации до разгрома «Центролева» (май 1926 г. — сентябрь 1930 г.).
4. Финиш власти Ю. Пилсудского (сентябрь 1930 г. — май 1935 г.).
5. Предвоенный период (май 1935 г. — август 1939 г.).
6. Утрата Польшей государственности вследствие расчленения ее внешними силами (сентябрь 1939 г.).

Октябрь 1918 — март 1921 года во взаимоотношениях Польши как государства и ее украинского нацменьшинства характерны прежде всего длительной вооруженной борьбой между поляками и украинцами за Галицию, начатой захватом власти в столице Галиции Львове «Украинской генеральной командой» в ночь на 1 ноября 1918 г. и завершившейся окончательным отступлением под натиском польских войск украинской Галицкой армии за р. Збруч

в середине июля 1919 года. Тогда же — правда, в основном в борьбе не с местными украинцами-националистами, а с Красной Армией — польские войска заняли и Волынь с немалым процентом украинского населения. С апреля по ноябрь 1920 года войска западноукраинских националистов соучаствуют с польской армией в войне против Советской России. На некоторое время Красная Армия подходит к самому Львову, но большая часть здешних украинцев пассивно наблюдает за исходом событий. При заключении перемирия и затем Рижского мира между Польшей и Советской Россией польская сторона согласилась на недопущение на своей территории антисоветских украинских формирований, а советская сторона фактически позволила Польше закрепить за собой западноукраинские земли без предоставления им автономии.

Март 1921 — май 1926 года Варшава не склонна считать Восточную Галицию с преимущественно украинским населением чем-либо иным, как Малопольшей, стремится к усилению польской национальной прослойки здесь и на Волини не в последнюю очередь посредством осадничества — поселения здесь крепких крестьян-поляков из числа ветеранов войны 1918—1920 годов. Поначалу, вслед за принятием Конституции 17 марта 1921 г., украинцы все же имеют немало возможностей собственной образовательной, культурной, спортивной и иной деятельности. Огромную роль ее с австро-венгерских времен и впредь до середины 1940-х играет украинская униатская церковь во главе с митрополитом Андреем Шептицким. Украинские депутаты польского сейма сыграли наряду с депутатами других нацменьшинств важную роль в избрании президентом Польши Г. Нарutowича в конце 1922 года. Однако вскоре после убийства этого президента и в связи с резким обострением положения в Польше в 1923 году (не в последнюю очередь по инструкциям из Москвы местным коммунистам), в 1924 году доходит до вооруженных выступлений украинцев. Поляки сужают украинские права даже в сфере культуры. Общепольская экономическая стабилизация не подкрепляется политической, и весной 1926 года большинство украинцев левых взглядов поддерживает переворот Пилсудского, опиравшегося прежде всего на восточные районы Польши.

Май 1926 — сентябрь 1930 года. Поскольку режим Пилсудского быстро проявил себя не меньшим полонизатором национальных окраин, чем его предшественники, равно как и в связи с ухудшением польско-советских отношений и соответственно усилением антипольской деятельности из Москвы с лета 1927 года, а также с ростом антипольских настроений в Германии и особенно когда все это резко усугубило распространение мирового экономического

кризиса на Польшу, отчуждение между польским государством и украинским нацменьшинством растет. В конце 1928 года по всей Галиции проходят массовые манифестации в связи с 10-летием захвата украинцами власти во Львове и провозглашения Западно-Украинской Народной Республики, польская полиция применяет силу.

В начале 1929 года возникает Организация украинских националистов — мощное конспиративное сообщество, планирующее и возглавляющее всевозможные массовые антипольские акции, вплоть до применения оружия. Положение в Галиции и в целом польско-украинские противоречия — составная часть резкого обострения к осени 1930 года отношений между правящим блоком и оппозицией в Польше.

Сентябрь 1930 — май 1935 года. Решение властей разгромить оппозицию, роспуск сейма и сената, арест и затем осуждение лидеров «Центролева», создание парламента из одних пилсудчиков резко усилили подавление Варшавой оппозиционного движения украинцев, как коммунистов, так и националистов.

Конец 1930 — начало 1931 года — роспуск как левого «Сельроба», так и правых украинских организаций, вплоть до скаутских. Затем польско-украинские отношения находятся под растущим воздействием меняющейся обстановки вокруг Польши. В Германии побеждает нацизм и начинается возрождение ее как сильной военной державы — врага Польши, с его возрастающим интересом к западноукраинскому национализму как «ножу в спину» этой стране (широкомасштабные конференции ОУН в Берлине и Данциге в 1933 г.). СССР становится мощной индустриальной державой, упрочивающей свое международное положение политико-военным сближением с Францией и Чехословакией не в пользу Польши (Чехословакия начала 1930-х — тоже база украинских националистов). В то же время польско-советский пакт о ненападении 1932 года и польско-германская декларация о мирном решении споров 1934 года, кроме прочего, вынудили как СССР, так и Германию ослабить использование западных украинцев в антипольских целях, по крайней мере открыто. Из СССР до украинцев Польши доходят сведения о подавлении «украинского буржуазного национализма», до того немало подпитываемого украинскими кругами Галиции, о преследовании религии, ужасах коллективизации и о голоде 1933 года на Украине. Украинские националисты в Польше в ответ на усиление полонизации переходят к более активным силовым действиям, вплоть до террора против высокопоставленных политиков (убийство и антибольшевистский фронт, включая нападения на советских дипломатов). Польское правительство от-

вечает массовыми арестами активистов ОУН и созданием изоляционного лагеря в Березке Картузской, не в последнюю очередь для украинских националистов и коммунистов. К концу этого периода в Польше кончается затяжной экономический кризис, слабеет безработица в Галиции и на Волыни, сокращается поток эмигрантов отсюда, что наряду с ослаблением ОУН вследствие репрессий делает и национальный вопрос менее острым. На деле коренное противоречие между польской великодержавностью и обоими ее смертными врагами среди польских украинцев — национализмом с растущей надеждой на Гитлера и большевизмом с неслабеющей верой в Сталина — просто ждет более подходящего часа для открытого проявления.

Май 1935 — август 1939 года. Противоречивые тенденции в польско-украинских отношениях, во многом обусловленные как ослаблением твердости польской государственной власти без Пилсудского, так и изменением тактики Коминтерна («народный фронт») и началом перекройки карты Европы. Польские власти продолжают энергичные репрессии против ОУН (крупные процессы в Варшаве и Львове в 1936 г.: главы осуждены на казнь, замененную по амнистии пожизненным заключением). Тогда же Львов становится одним из главных в Польше центров массовых выступлений рабочих и левой интеллигенции под антифашистскими лозунгами с участием поляков, украинцев, евреев и др. Однако вскоре резко слабеет политическая активность и с этой, поощряемой из Москвы, стороны: там и на Советской Украине идет массовое заточение и истребление польских и непольских коммунистов, среди которых много украинцев. Летом 1938 года следует роспуск Компартии Польши вместе с Компартией Западной Украины. Польские власти в 1920-х и первой половине 1930-х годов делают некоторые послабления украинцам, например, позволяют больше свободы печати. В то же время Гитлер готовится к давлению и затем к нападению на Польшу и тайно активизирует прогермански настроенных украинских националистов. К критическим дням себя дням августа 1939 года Польша подходит без острого кризиса в отношениях с большинством своих украинцев, но и без малейшего пропольского патриотизма с их стороны. А Молотов и Риббентроп уже договорились, что в случае ликвидации Польши как государства Германией и Советским Союзом вся Западная Украина от Збруча до Сана войдет в состав СССР...

Сентябрь 1939 года. Фактически не поддержанная Англией и Францией, Польша быстро терпит поражение от германского вермахта, в итоге его части уже к середине месяца достигают района Львова. Большинство украинцев не рвется в бой за мачеху-Польшу,

радуется разгрому ее войск и паническому бегству польских властей и остатков армии через Галицию в Венгрию и Румынию. С. Бандера и другие виднейшие националисты вырываются из Брестской и других польских тюрем и стремятся вернуться домой для борьбы за украинскую независимость. С 17 сентября начинается главное событие этого периода для западноукраинских земель — быстрое занятие их Красной Армией, вплоть до разграничения с потеснившимися отсюда к западу гитлеровскими воинскими частями. Множество украинцев встречает Красную Армию если не восторженно, то по меньшей мере доброжелательно, как освободительницу от польского ига. Новая советская власть немедленно начинает коренную ломку, ужасы которой многим западноукраинцам предстояло испытать позднее, а пока что большинству из них нравится резко антипольский и проукраинский (пусть и «красный») ее акцент.

В целом Польша, в немалой степени ввиду неспособности дать своим украинцам ощущение преимуществ жизни в этой стране, а не где-либо вне ее, получила в их лице не составную часть своего единства и обороноспособности, а источник противодействия тому и другому. Это снимает вину с соседей Польши, бесцеремонно использовавших ее украинское нацменьшинство в своих антипольских целях. Подчеркиваемое нынче в Украине стремление украинцев по обе стороны Збруча объединиться в единое независимое государство сколько-нибудь заметно проявилось лишь в начале периода, затем же стало прежде всего орудием пропаганды в СССР, особенно с момента начала занятия им Восточной Галиции и Вольны осенью 1939 года.

Версальская система — источник постоянной напряженности

Мирные договоры, завершавшие первую мировую войну, подписанные в окрестностях Парижа главными союзными державами-победительницами и побежденными, а также их договоры с присоединенными странами в 1919—1920 годах содержали обязательства в отношении национальных меньшинств. Они и стали в межвоенный период постоянным источником напряженности между побежденными странами и государствами-победителями. Этот основной тезис раскрыл в своем докладе доктор исторических наук А.И. Пушкаш.

В договорах положения, содержащиеся в отделе «Защита меньшинств», были признаны в качестве основных законов, и никакие

законы, положения и официальные действия в конкретных странах не могли ставиться выше их. Эти обязательства международного значения были поставлены под гарантии Лиги Наций. Спорные же вопросы решались Постоянной палатой Международного Суда.

По этим договорам государства отказывались предоставить всем своим жителям по рождению гражданские права, полную и абсолютную защиту их жизни и их свободы без различия национальности, языка, расы или религии. Они объявлялись равными перед законом, могли пользоваться равными гражданскими и политическими правами, в том числе на государственной службе и при занятии различными профессиями. Не устанавливались ограничения пользования гражданами любым языком во всех сферах общественной жизни (собраниях, печати, в судах и т.д.).

В деле народного образования в городах и округах, в которых жило значительное число граждан меньшинств, правительство должно было в начальных школах обеспечить обучение на родном языке, а также справедливую долю сумм из центральных и местных бюджетов.

В договорах с Польшей и Румынией специально оговаривались права евреев, а с Югославией — мусульман.

Эти права меньшинств не тянули на культурную автономию. Только в одном случае, в отношении Закарпатья (в договоре с Чехословакией), содержалось обещание дать краю автономию, дать Подкарпатской Руси «наибольшую степень самоуправления» со своим сеймом, с законодательными правами. Но и в этом случае автономия была предоставлена только в октябре 1938 года (выборы проведены в феврале 1939 г., за месяц до распада Чехословакии).

Остальные постановления договоров о меньшинствах выполнялись только частично, где было можно — обходились. Практика, сложившаяся в Лиге Наций в связи с жалобами представителей национальных меньшинств, результатов не давала. В отношении региона Средней и Юго-Восточной Европы Лигой Наций не было принято ни одного решения.

Между тем государственно-политическая практика в отношении национальных меньшинств привела к использованию этой проблемы для расшатывания Версальской системы, отказа от предписаний мирных договоров, сначала со стороны Италии и гитлеровской Германии, а затем и их последователей.

В 30-е годы Венгрия пыталась вести переговоры с целью улучшения положения венгерского национального меньшинства в Югославии, Румынии и Чехословакии. Переговоры велись в Буха-

ресте и Женеве и завершились в августе 1938 года частичным соглашением в Блде, но до конца они так и не были доведены. Аргументы правителей Румынии сводились к тому, что это внутренний вопрос, и в отношении Венгрии Румыния на себя обязательств не принимала. Чехословакия тянула переговоры, объясняя это тем, что готовится общий закон по всем меньшинствам, который так и не был принят. Между тем национальный вопрос, его нерешенность, был использован гитлеровским блоком для развала ряда государств, в том числе Чехословакии и Югославии.

Остается до сих пор нерешенным вопрос, какие народы и нации имеют право на самоопределение, самостоятельное государственное существование, на территориальную или культурную автономию в отдельных странах, а какие обречены нести судьбу так называемых национальных меньшинств, отданных на произвол правящих кругов господствующей нации.

Не изучавшаяся у нас ранее польская межвоенная литература по проблеме нацменьшинств, отражая состояние польской политической мысли в этой области, представляет несомненный интерес как с научной, так и с политической точки зрения. Это было мнение кандидата исторических наук М.Н. Черных.

Заключенный Польшей в июне 1919 года договор о защите нацменьшинств, поставивший их под международную опеку, получил в стране негативную оценку. В нем усматривали ущемление суверенитета Польши и создание возможности для иностранного вмешательства в ее внутренние дела.

Среди причин, вызвавших появление этого договора, в польской литературе назывались следующие: миротворческая концепция В. Вильсона с ее принципом самоопределения наций и идеей Лиги Наций; установившаяся с XVI века традиция международных договоров включать статьи о предоставлении свободы вероисповедания религиозным меньшинствам; германская нота от 29 мая 1919 г., потребовавшая гарантий для национального развития немецкого населения, оказавшегося в составе Польши, и, наконец, деятельность еврейских международных организаций.

С позиций историзма польские авторы рассматривали и вопрос о происхождении нацменьшинств, относя их зарождение к результатам бесконечных войн между государствами. При выяснении сущности понятия «национальное меньшинство» польские исследователи высказались за определение его на основе двух других понятий — нации и государства. Как установил один из польских авторов, польская политическая мысль по проблеме нацменьшинств заявила о себе еще в июне 1917 года. Тогда при подготовке

проекта будущей польской конституции было признано необходимым включить в нее статью о правах граждан непольской национальности на национальное развитие.

Анализ обсуждений проектов конституции (более десяти), проходивших в 1919—1920 годах, показал, что усилия их участников были направлены на решение сложнейшей задачи многонационального, только что восстановленного государства — снять противоречия между нацией, стремящейся к свободе, и государством, выступающим против ее сепаратизма. Не без влияния пережитого польским народом полуторавекового угнетения дискуссии по вопросу о пользовании родным языком, о воспитательно-образовательной системе нацменьшинств в основном заканчивались в пользу последних. Предложения же о федеративном устройстве Польши, о предоставлении меньшинствам на востоке страны национально-территориальной автономии не получили поддержки из-за опасений нарушить целостность польского государства. Исходя из тех же соображений, национал-демократическая партия в своей концепции настаивала на ненасильственной ассимиляции инонационального населения восточных окраин, проводимой с помощью активной деятельности польского правительства и народа по подъему экономического и цивилизационного уровня этих земель:

По мнению одного польского автора, на возможность достижения интеграции и консолидации граждан разных национальностей в Польше указывал опыт США, где глубокая демократизация всех сфер общественно-политической жизни помогла миллионам выходцев из Европы освободиться от национальной ненависти. Но при этом он не упомянул о насильственном присоединении к Польше украинцев, белорусов и литовцев, которого не испытали в США выходцы из Европы.

В 1934 году польское правительство с помощью дипломатического маневра освободилось от договора о защите национальных меньшинств. С учетом этого фактора и печальной судьбы Чехословакии в 1938 году автор вышедшей в 1939 году работы о нацменьшинствах предложил решать эту проблему на основе новых международных договоров о нерушимости существующих государственных границ и о всестороннем равенстве национальностей, проживающих в данном государстве, что явилось почти предвосхищением Хельсинкских постановлений 1975 года.

Вторая мировая война помешала проверке на жизнеспособность названных польских концепций по проблеме нацменьшинств. Правда, через известное иностранное вмешательство в 1939 и 1945 годах война и освободила Польшу от этой проблемы. На основании

косвенных доказательств (прежде всего опыта СССР) можно предположить, что в условиях Польши ни одна из названных концепций не дала бы желаемых результатов.

О проблеме национальных меньшинств в Болгарии после первой мировой войны говорила доктор исторических наук Р.П. Гришина. После заключения Нейского мирного договора 1919 года между странами Антанты и проигравшей войну Болгарией для последней принципиально важно было добиться признания прав болгарского национального меньшинства за населением, проживавшим на территориях, которые отторгались победителями от Болгарии в пользу Югославии, Греции, Румынии (более 600 тыс. человек), причем так, что болгарские подданные, оказывавшиеся в составе вновь образуемого, например, югославского государства, становились его гражданами. Такое же право признавалось за Грецией. Вершители послевоенного мира, в частности Англия и Франция, а отсюда и Лига Наций, проявляли особую заинтересованность в незыблемости Версальской системы, что обрекало все попытки болгарской дипломатии, обществественности, церкви решить с помощью международных организаций, хотя бы на компромиссной основе, важную для страны национально-территориальную проблему. С другой стороны, непризнание болгарского меньшинства за населением за пределами Болгарии развязывало руки правительствам соседних государств в проведении собственной целенаправленной национальной политики в отношении этого населения в условиях, когда само оно еще не всегда полностью национально идентифицировалось.

Неравноправное положение Болгарии как страны побежденной отразилось и на содержании ряда двусторонних соглашений Болгарии с соседними государствами, что породило тяжелейшую для страны проблему беженцев. Особенно большим был их приток из греческой Македонии (31,5% всех беженцев) на основании Соглашения о добровольном, а фактически принудительном, переселении; из Восточной Фракии (25%), Западной Фракии (17%), из Добруджи (11%), сербской Македонии (8%). В 1924 году в Болгарии насчитывалось около 300 тыс. беженцев (примерно 6% 5-миллионного населения страны), правовое положение их долгое время оставалось неурегулированным. В 1926 году в документах Лиги Наций беженцы все еще определялись как лица, не пользовавшиеся защитой своего отечества и не получившие другого гражданства.

Попыткой урегулировать положение беженцев в Болгарии стало предоставление ее правительству под гарантии Лиги Наций так называемого беженского займа (1926 г.), причем право на получение

ние ссуды и участка земли имели только те беженцы, кто давал подписку принять болгарское подданство. В остальном положение беженцев регулировалось местным законодательством в рабочем порядке.

Кризис Версальской системы в 1930-е годы и начавшаяся вторая мировая война способствовали изменению внешнеполитической ориентации Болгарии: Германия, в отличие от Лиги Наций, поощряла болгарские национально-территориальные претензии. Незавершенность процесса национальной идентификации населения в македонских землях и ко времени ввода сюда союзных с Германией болгарских войск и администрации привела к тому, что часть населения встречала их как освободителей, часть — как оккупантов. В современной историографии сохраняется двойственность оценок этого эпизода истории: «инкорпорация в болгарское государство» и/или «оккупация вражеской армией».

Внутренний аспект проблемы состоял в том, что с правовой точки зрения проблема национальных меньшинств в самой Болгарии определялась еще постулатами Конституции страны 1879 года, декларировавшей равенство всех граждан независимо от расы, вероисповедания и родного языка. Согласно переписи 1926 года, наиболее крупными инонациональными группами были турки (до 11%) и цыгане (1,5%). Особую группу составляли помаки, то есть исламизированные болгары: в 1926 году 14,3% мусульман указало на болгарский язык как на родной. Архивные документы свидетельствуют о сравнительно развитой системе национальных школ (турецких, армянских, русских), содержавшихся населением при поддержке государства.

Основная религия в Болгарии — православие. Имелись незначительные группы католиков (40 тыс.), протестантов (около 7 тыс.), иудеев (46 тыс.), армяно-грегорианцев (25,4 тыс.). Конституция признавала за всеми ими равные права и возможности отправлять церковные службы, каждая церковь имела свою организацию и верховные органы.

С освобождением Болгарии в 1878 году после массового выезда турок (примерно 150 тыс., а затем еще 250—300 тыс. в период до 1912 г.) на протяжении нескольких последующих десятилетий масштабного перелива турецкого населения не наблюдалось. Однако в нарушение прав меньшинств над турецким и исламизированным населением Болгарии государство неоднократно осуществляло насилие, решая свои главным образом внешнеполитические проблемы. В 1912 году при ориентации на Россию оно предприняло акцию по массовому крещению и переименованию помаков, а в 1915 году, войдя в союз с Германией и Турцией, стало возвращать

им имена и религию. В годы второй мировой войны коллизия повторилась: 1942 год был отмечен кампанией по переименованию исламизированного населения, а после событий 9 сентября 1944 г. и вхождения Болгарии в орбиту советского влияния началось восстановление арабо-турецких имен. В социалистической Болгарии подобная «национальная политика» волнообразно повторялась несколько раз, вызвав в 1980-е годы акции массового протеста, масштабную эмиграцию и просто бегство в Турцию.

Послевоенный период

Здесь хотелось бы выделить доклады докторов наук А.Ф. Носковой и Г.П. Мурашко. Тема первого — «Переселение "малых" народов в СССР как элемент международной практики переселений в годы второй мировой войны». Второй доклад был посвящен судьбам венгерского меньшинства в Словакии и позиции Москвы по этому вопросу.

Принудительное переселение больших или малых национально-компактных групп коренного населения, доказывала А.Ф. Носкова, совершалось на территории ряда европейских стран и было превращено в инструмент государственной политики, в первую очередь в Германии и СССР.

За такими переселениями стояло стремление конкретного политического режима обеспечить свою внутри- и внешнеполитическую безопасность, то есть те национально-государственные интересы, которые он олицетворял.

Причины, скорее поводы, переселений были в каждом случае различными: расовые обоснования, классовые мотивы, превентивные меры, коллективные наказания за коллективную (реальную или мнимую) вину. Заметим, что после окончания войны победители возложили на весь немецкий народ коллективную вину за преступления фашизма при осуществлении переселений немцев из Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран. С помощью этого инструмента решались вопросы внутренней стабильности и территориального устройства послевоенных государств.

Долгое время из-за недоступности советских архивов в отечественной науке не велись исследования проблемы тех переселений, которые совершались по решению руководства СССР накануне и в годы второй мировой войны.

Как свидетельствуют новые рассекреченные документы НКВД (отчасти уже опубликованные), в 30—50-е годы в СССР подверглись принудительному переселению почти 40 народов или части

их. В конце 40-х годов на спецпоселении находилось около 3,5 млн. человек.

Переселенческие акции проводились на основе решений ПБ ЦК ВКПб, постановлений Совнаркома, приказов ГКО и наркомов ВД и ГБ и фактически противоречили действовавшей тогда Конституции. К проведенным крупным акциям следует отнести переселения около 400 тысяч поляков (1938, 1939—1941 гг.); корейцев — около 180—190 тыс. (с 1937 г. в течение ряда лет); украинцев — около 400 тыс. (1939—1941, 1944—1951 гг.); народов Прибалтики — около 230 тыс. человек (1940—1941, 1945—1951 гг.); немцев — около 1,2 млн. (1941—1942 гг.); карачаевцев — 70 тыс. (1943 г.); чеченцев, ингушей — около 480 тыс., балкарцев — 37 тыс., крымских татар — 190 тыс., болгар, греков, турок, кабардинцев, курдов, хемшилов — свыше 120 тыс. чел. (1944 г.).

Среди обоснований этих акций на первое место в документах НКВД СССР выдвигались наказания за сотрудничество с оккупантами, антисоветские и сепаратистские настроения, обеспечение внешней безопасности.

Важно обратить внимание на «географию» переселений: они тянулись вдоль границ СССР. Просматриваются и внешнеполитические «раздражители» — Германия, Польша, Япония, Турция.

Как конкретизировалась вина многих народов, в первую очередь народов Северного Кавказа и Крыма? Речь шла о дезертирстве из рядов Красной Армии, бандитизме в ее тылах, сотрудничестве с оккупантами.

Многочисленные документы НКВД подтверждают это фактическим материалом. Например, в Чечне по мере приближения в 1942 году линии фронта резко активизировались антисоветские и сепаратистские элементы, дестабилизирующие тыл действующей армии. В Крыму сотрудничество крымских татар с гитлеровцами носило массовый (до 19% татарского населения) характер.

Вместе с тем, принимая решение о поголовном переселении этих народов, советское руководство сбрасывало со счетов другие факторы: 16% крымских татар участвовало в партизанском движении, тысячи представителей народов Кавказа до конца исполнили свой воинский и патриотический долг в рядах Красной Армии.

Следует подчеркнуть, что перед началом каждой акции по переселению НКВД производил массовые аресты лиц, виновных в сотрудничестве с оккупантами или бандитизме или же подозреваемых в таких преступлениях, что было закономерно с учетом военного времени и норм права. Коллективная же вина, тем не менее, была

возложена и на ту часть народа, которая не была замешана в преступлениях.

В 1991 году Верховный Совет СССР принял постановление «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению». Тем самым была снята коллективная вина народов за деяния предателей.

В докладе Г.П. Мурашко отмечалось, что российские архивы в своих фондах хранят большой материал по вопросам положения венгерского меньшинства в Словакии после второй мировой войны. Эта проблема вызывала серьезные осложнения в отношениях Будапешта и Праги, и советская сторона зачастую выступала в роли арбитра.

Известно, что чехословацкое правительство с момента подписания перемирия с Венгрией настойчиво добивалось от великих держав согласия на тотальное переселение венгерского меньшинства из Словакии. По мере освобождения Словакии местные органы начали осуществлять акции по переселению венгров. Архивные документы свидетельствуют о крайне жестоких формах этого переселения (информация ПУРККА на имя Димитрова).

Запись беседы Фирлингера со Сталиным 26 июня 1945 г. показывает, что Сталин неофициально поддерживал эту линию, хотя советские дипломаты неоднократно заявляли о необходимости отложить решение венгерского вопроса до мирной конференции.

Венгерская сторона, пытаясь воспрепятствовать массовому переселению венгров из Словакии, пыталась найти поддержку в Москве. Об этом наглядно свидетельствует запись беседы Сталина с правительственной делегацией Венгрии 10 апреля 1946 г.

В ходе этой беседы вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии занял одно из центральных мест. В начале беседы Сталин пытался добиться от венгерской стороны согласия на прием всех переселяемых из Словакии венгров, но по мере развертывания венгерской стороной своей аргументации вынужден был искать компромисс, настаивая на обмене населением между Венгрией и Чехословакией по образцу такого обмена между СССР и Польшей, Литвой и Латвией.

Документы показывают, что чехословацкая сторона, не получив поддержки своей позиции на Парижской мирной конференции, активизировала акции по выселению и ресловакизации венгерского населения. Февраль 1948 года не внес существенных перемен в политику по национальному вопросу. Акции по переселению просто приняли «классовую» окраску, хотя формально было произведено уравнивание венгров в правах с словаками (октябрь 1948 г.).

Кандидаты наук А.С. Аникеев и Т.В. Волокитина говорили о проблеме национальных меньшинств в югославо-итальянских отношениях после второй мировой войны (первый) и о тешинском вопросе (вторая).

Создание Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 году с оставленными Италией (как было обещано ей по Лондонскому договору 1915 г.) территориями с более чем полумиллионным славянским населением на долгие годы спровоцировало напряженность в югославо-итальянских отношениях, отмечал А.С. Аникеев. Несмотря на то что в последующих политических соглашениях 1924, 1925 и 1937 годов стороны брали на себя взаимные обязательства защищать права меньшинств, в реальной политике Рим, особенно после прихода к власти фашистов, систематически игнорировал договоренности, подвергая словенцев и хорват дискриминации во всех сферах их жизни. Межвоенный период характеризовался процессом усиленной ассимиляции славян в Юлийской Крайне, что привело к эмиграции более 150 тыс. человек в Югославию и другие страны.

Итальянская оккупация Словении в годы войны, сопровождавшаяся в разной степени этноцидом, чистками и ассимиляцией, определила жесткую позицию Югославии в отношении Италии и границы с ней на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы. Югославия, опираясь на свой статус члена антигитлеровской коалиции, стремилась к максимально возможному расширению границы на северо-западе (в идеале — к старой австро-венгеро-итальянской границе), что позволило бы включить в федерацию все славянское население региона. О подобных установках Белграда свидетельствовал конфликт Югославии с западными державами вокруг Триеста в мае—июне 1945 года. Установленная тогда как временная итало-югославская граница («линия Моргана») отвечала интересам Югославии, которая стремилась к превращению ее в постоянную на протяжении последующих десяти лет.

Между тем позиция Запада в ходе подготовки Мирного договора с Италией не позволила Югославии в полной мере реализовать свои планы. Югославское руководство, подписав в феврале 1947 года мирный договор с Италией, сделало оговорку устами министра иностранных дел С. Симича, который заявил, что «народы Югославии не отказываются от своих претензий на территории, этнически им принадлежащие, но сохраняют свои права на них, несмотря на возможные этнические изменения, которые могут произойти вследствие иностранного управления ими».

Мирный договор определил новую югославо-итальянскую границу и статус ранее созданной так называемой Свободной территории Триест. Правам меньшинств на переходящих территориях было посвящено несколько статей договора. Славянское и итальянское население получало на бумаге максимум гарантий свободного и равноправного развития, которые должны быть закреплены в принятых на основе этого главного документа двусторонних и международных соглашениях.

Конфликт Югославии с Коминформом и последующая политика Белграда, направленная на развитие сотрудничества с Западом, оказали влияние и на всю совокупность проблем в сфере югославо-итальянских отношений. Югославия в начале 50-х годов, опираясь на статус косвенного члена западных военно-политических блоков, активно пытается решить в свою пользу вопрос о территориях в районе Триеста, преодолевая сопротивление США и их союзников, рассматривавших ситуацию в регионе преимущественно с позиции противостояния СССР в эвентуальном конфликте. В этих условиях вопрос о меньшинствах в политике всех заинтересованных сторон приобретает инструментальный характер.

Многолетние трудные переговоры по Триесту завершились подписанием в Лондоне 5 октября 1954 г. Меморандума о согласии между США, Великобританией, Италией и Югославией, по которому СТТ делилась между Италией и Югославией. Права меньшинств детально описывались в Специальном статуте, включенном в Меморандум о согласии. Первая статья этого документа обязывала итальянскую и югославскую администрации действовать в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году. Предписывалось обеспечить равенство прав жителей бывших зон «А» и «Б» Свободной территории Триест с «материковыми» итальянцами и югославами. Национальные меньшинства получали самые широкие возможности организации духовно-культурной жизни: могли иметь свою печать, создавать социальные, просветительские и спортивные организации, детские сады и школы с преподаванием на родном языке.

Скупщина ФНРЮ ратифицировала Меморандум о согласии 25 октября 1954 г., а итальянский парламент отказался утвердить этот документ. Премьер-министр Италии М. Шельба заявил, вместе с тем, что соглашение будет уважаться, поскольку оно отвечает итальянским интересам — Италия получила Триест.

Меморандум 1954 года, как показали последующие события, не поставил последней точки в длительном югославо-итальянском споре. Сохранились вопросы практического применения многих

положений этого документа, в частности о государственном суверенитете над бывшими зонами «А» и «Б» Италии и Югославии. Обе стороны выступали с обвинениями в отступлении от духа и буквы Меморандума, продолжали использовать ситуацию вокруг Триеста в политических целях. Окончательно (но, как свидетельствуют последние документы МИД Словении, не во всем) большинство проблем вокруг Триеста были обоюдно разрешены подписанием двустороннего итало-югославского соглашения в Озимо (так называемые Озимские соглашения) в 1975 году. Стороны делимитировали часть спорной сухопутной и морской границы, подтвердив в целом ее окончательный и бесспорный характер, договорились о решении имущественных прав оптантов и т.д.

Т.В. Волокитина подготовила свой доклад на основе материалов Архива внешней политики и хронологически охватила 1945—1946 годы, на которые приходится, судя по документам, «пик» развития конфликта между Польшей и Чехословакией по вопросу о Тешине.

Материалы показывают, что советское руководство в определении собственной позиции в отношении территориальных споров и возможности их урегулирования исходило на завершающем этапе второй мировой войны и непосредственно после ее окончания из той стратегической установки, что СССР необходимо было иметь в сопредельных странах режимы, ориентированные на поддержание дружественных отношений с Москвой. Задачей № 1 становилось создание по периметру советских западных границ так называемого «пояса безопасности». Вместе с тем геополитические расчеты советской стороны диктовали ей дифференцированный подход к странам Восточной Европы и определяли место каждой из них в послевоенном раскладе сил.

Отсюда четкое определение позиции СССР (в ходе работы над планами послевоенного устройства мира в 1942—1944 годах в НКВД СССР) по вопросу о Трансильвании (в пользу Румынии, а не Венгрии), о Тешине (в пользу Чехословакии) и т.д. Характерно, что при этом в Москве исходили, что касается Румынии, из задачи превращения этой страны в важный фактор советской обороны на юго-востоке Европы. Вопрос о Тешине напрямую зависел от оценки в НКВД СССР Чехословакии как потенциального и «важного проводника нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе». Задача «стремиться к созданию сильной Чехословакии» обуславливалась при постановке тешинского вопроса незаинтересованностью СССР «в рождении слишком большой и слишком сильной Польши» (АВП РФ, ф. 07, оп. 9, п. 61, д. 68, л. 13—14).

На протяжении всего послевоенного периода советская сторона занимала последовательную позицию, согласно которой Чехословакия должна была быть восстановлена в домюнхенских границах. Однако в Москве, как свидетельствуют документы, стремились при этом к «компромиссу», «к полюбовному разрешению» вопроса о Тешинской Силезии методом «непосредственных переговоров между чехословаками и поляками», а соответствующие решения должны были удовлетворить обе стороны (АВП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 393, л. 68—69; АВП РФ, ф. 0138, оп. 26, п. 132, д. 6, л. 1—2; д. 5, л. 2).

Чехословацкая и польская стороны стремились склонить советское руководство к решению тешинской проблемы в свою пользу, неоднократно обращались к И.В. Сталину как к высшему арбитру, но ни одной из сторон успеха это не принесло. Безрезультатными оказались и взаимные попытки шантажа (поляки поднимали вопрос о проведении в Тешинской Силезии плебисцита, результаты которого, учитывая преобладание там польского населения, было нетрудно предугадать, а чехи, в свою очередь, «угрожали» сперва непризнанием Временного польского правительства, а затем стали откровенно затягивать подписание двустороннего договора с Польшей о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, в чем был крайне заинтересован Советский Союз. Москва в этих условиях стремилась в общем и целом предоставить решение тешинского вопроса самим заинтересованным сторонам, но одновременно блокировать «перегибы» (в частности, советское руководство заняло жесткую позицию в связи с оттяжкой признания чехами Временного польского правительства), «держала руку на пульсе», не допуская интернационализации конфликта. При этом, как свидетельствуют документы, и советское, и чехословацкое руководство понимало сложность положения польского правительства, не располагавшего поддержкой большинства общества.

После подписания в марте 1947 года польско-чехословацкого договора объем информации, поступавшей в МИД СССР по вопросу о Тешине, резко сокращается. Основное внимание обеих сторон фокусируется теперь на таких сторонах его, как «школьный вопрос», «организация» национальной жизни чехов и словаков в Польше и поляков в Чехословакии и пр. Из документов видно, что более резкую и эмоциональную оценку происходившего давала чехословацкая сторона, в то время как тональность материалов, исходивших от поляков, была более спокойной и сдержанной.

Конфликт после 1947 года перешел в спокойную фазу, которая тем не менее растянулась до 1958 года, когда тешинский вопрос на основе достигнутых договоренностей, фиксировавших домюнхенские границы Чехословакии, был окончательно снят. По счастью, он не превратился в еще одну «горячую точку» на политической карте Европы.

Конечно, было много и других докладов на этой интересной конференции, которая на историческом фоне позволяет понимать современные международно-правовые проблемы. Отдельно стоит отметить участие в ней шведского профессора Й. Левандовского и румынского ученого из Института истории А. Йошу, что придало национальной конференции зарубежный колорит.

А в общем историческая конференция, где в каждом докладе было много ссылок на право, на договоры и соглашения, в которой приняли участие видные российские ученые-историки и балканисты, удалась на славу.

В. Петров

Статья получена редакцией в марте 1997 г.